

УДК 008:341.231.14

Этика в аксиологии и социальной практике советских нонконформистов 1960-70-х годов

Серебрякова Елена Геннадьевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории философии и культуры,
Воронежский государственный университет,
394006, Российская Федерация, Воронеж, площадь Университетская, 1;
e-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru

Аннотация

В статье исследовано место этики в самосознании, социальной практике и риторике нонконформистов. Материалом работы выступает публицистика самиздата. Цель исследования – осмыслить место этики в аксиологии советской либеральной интеллигенции 1960-70-х годов. Статья имеет несколько разделов: этика в политическом и научном сознании «оттепели», в самосознании шестидесятников, Право и мораль в аксиологии правозащитников. Практическая этика в «Пособии по психиатрии для инакомыслящих». Этика в личностной аксиологии диссидентов. Автор указывает, что в марксистской этике мораль трактовалась функционально: она считалась надстройкой над экономическим базисом и осмысливалась как средство укрепления или подрыва государства. Моральное сознание нонконформистов осмыслено как динамичное. В начале «оттепели» либеральная интеллигенция надеялась на возвращение социализму его гуманистической сущности. Социальный идеал предполагал слияние этики и политики. В самосознании и аксиологии шестидесятников этика выступала базовой ценностью. Общечеловеческая мораль декларировалась как приоритетная над социально-классовой. «Пособие по психиатрии для инакомыслящих» демонстрирует изменение в моральном сознании нонконформистов в конце 1960-70е годы. Авторы – Глузман и Буковский – трактуют мораль утилитарно и оправдывают отступление от общечеловеческой морали. В аксиологии диссидентов мораль из базовой ценности трансформировалась в инструментальную, приоритеты сместились к социально-классовой морали. Функциональная этика формировала специфику их публицистического высказывания и тип нарратива.

Для цитирования в научных исследованиях

Серебрякова Е.Г. Этика в аксиологии и социальной практике советских нонконформистов 1960-70-х годов // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 6А. С. 194-203.

Ключевые слова

Либеральная советская интеллигенция 1960-70-х годов, шестидесятники, нонконформисты, диссиденты, этика.

Введение

Этика является значимым компонентом мировоззрения и играет существенную роль в личностном и поколенческом самоопределении. Осмысление места этики в аксиологии советской либеральной интеллигенции 1960-70-х годов позволит оценить специфику самосознания поколения шестидесятников, выявить сущность и трансформацию нравственно-этических воззрений.

Этика в политическом и научном сознании «оттепели»

Советская этика базировалась на следующих марксистских принципах: нравственность носит исторический и объективный характер, мораль есть превращенная форма общественного сознания, а именно идеологии, используемой господствующим классом для укрепления и сохранения собственной власти. Классовая мораль исторически закономерна, в ценностной иерархии общечеловеческая мораль доминирует, но в ситуации обостренной политической борьбы становится отдаленным идеалом, а приоритетом пользуется мораль социально-классовая. Мораль в целом трактовалась функционально: считаясь надстройкой над экономическим базисом, она осмысливалась как средство укрепления или подрыва государства. Соответственно, в задачи партийно-государственного управления входило руководство нравственными процессами общества (в особенности – нравственного воспитания) и контроль над функционированием моральных идей.

Главное событие «оттепели» – доклад Хрущева «О культе личности и его последствиях» [О культе личности..., 1989] – не нарушал советской этической традиции. Основная цель – преодоление сталинских методов руководства страной – была мотивирована политической необходимостью – восстановлением социалистической законности и коллегиальных методов партийного управления. В докладе противопоставлялись два типа партийного руководства: демократичный ленинский, основанный на коллективном принятии решений, учитывающий разнообразные мнения членов ЦК, и авторитарный сталинский, не только игнорирующий, но и жестоко карающий за малейшее отклонение от директивной линии. Политические выводы были морально обоснованы: восстановление ленинских методов управления страной означало возвращение к гуманистической сути революционных преобразований. Без морального осуждения сталинизма невозможно восстановление законности и принципов демократического управления страной. Как видим, Хрущев использовал этику утилитарно, как инструмент политики.

В 1960-е годы этика, составлявшая в 1930–50-е один из разделов социальной философии, выделилась в самостоятельную дисциплину. Одним из научных направлений было исследование соотношения общечеловеческих и социально-классовых ценностей. Термин «общечеловеческие нравственные ценности» имел секулярное толкование. Христианские нормы морали входили в него как выражение общефилософского нравственного закона. Не выходя за рамки исторического материализма, Александр Шишкин [Шишкин, 1959], Яков Мильнер-Иринин [Мильнер-Иринин, 1999] трактовали мораль как позитивный и общечеловеческий феномен, обосновывали официально прокламируемые моральные ценности – коллективизм, добросовестный труд – как исторически выработанные общегуманистические идеалы. В концепциях Леонида Архангельского [Архангельский, 1969], Гелы Бендцеладзе [Бендцеладзе, 1967], Зои Бербешкиной [Бербешкина, 1974] и других акцентировалось общечеловеческое содержание морали, создающее аксиологический язык для широкого общественного диалога поверх классовых антагонизмов и идеологических противостояний.

Общечеловеческая, классовая и индивидуальная мораль, по мнению философов, могут и должны быть согласованы между собой. Из этого суждения следовал практический вывод, весьма значимый в качестве регулятора социального поведения личности: каждый поступок человека, в частной жизни или социальной, является нравственным или нет, выявляет меру личностной сопричастности общечеловеческой морали. Этические концепции носили предписывающий характер. Так практическая направленность этических учений, типичная для русской философии, привела к морально-нравственному ригоризму советской философии 1960-х годов.

Этика в самосознании шестидесятников

В нравственном сознании либеральной интеллигенции социальный идеал получил определение «социализм с человеческим лицом», то есть гуманистический по характеру. Эта цель считалась достижимой при соблюдении определенной этической позиции – солидарности нравственных действий граждан и государства. Так в общественном сознании формировалась значимость активной гражданской позиции, ценная и для власти. Однако для либеральной интеллигенции понятие «гражданственность» неизменно связывалось с категориями «свободолюбие», «независимость интеллектуальных и нравственных оценок», руководство страной все явственнее демонстрировало неизменность командно-административного типа управления. А значит, нарастание взаимных политических и нравственных претензий было неизбежным.

Безусловно, самоопределение интеллигенции в те годы было чрезвычайно многоплановым и неоднозначным. Единым было традиционное осмысление себя и общественных процессов в этических категориях. Раскол на лагерь либералов и консерваторов проходил постепенно, выявлялся в решении как социальных, так и морально-нравственных вопросов. Являются ли нравственные ценности абсолютными или определяются классовым сознанием, они автономны от сиюминутной политической выгоды или подчинены идеологии? Ответы формировали личностное моральное сознание, определяли поведение и по мере ужесточения партийного контроля все явственнее разделяли сообщество.

Для либеральной интеллигенции нравственные ценности представляют константы бытия. Эта мировоззренческая позиция предполагала нравственные действия как в социальной, так и профессиональной сферах. Осмысливая свою общественную роль как просветительскую, нонконформисты видели долг перед народом в духовном высвобождении и раскрепощении сознания нации, «разбуживании общественного сердцебиения» (Солженицын) [Солженицын, 1975, 69]. Так политическая цель – десталинизация – получила этическое наполнение и потребовала практической реализации: духовное очищение возможно после открытия всей полноты правды о бесчинствах сталинского режима. Рассказать о них – миссия художника. Задача литератора определялась как борьба с ложью и полуправдой. Либеральная интеллигенция ожидала от правительства той же этической позиции, а значит, последовательности в разоблачении культа личности и искоренении командно-административного метода управления.

Консервативная часть сообщества опасалась непредсказуемости социальных последствий в случае коренных реформ и соглашалась с функциональным толкованием нравственных ценностей. Соответственно, допускалась дозированная информация о сталинских репрессиях и их жертвах, соответствующая политическому моменту. Сосредоточенность литераторов-нонконформистов на травматичных событиях прошлого воспринималась как подрывающая в читателе оптимизм и веру в исторический прогресс. Совесть подчинялась партийной

дисциплине. Литературное поведение предполагало солидарность с курсом партии, исполнение ее директив. Характерную оценку профессиональной позиции Федина оставил в дневниках Чуковский, знавший его много лет. Оценивая действия коллеги в отношении Пастернака, редакции «Литнаследства», из которой изгонялись талантливые авторы, и в других ситуациях, где тот руководствовался принципом «а что же мне остается делать?!», писатель горько иронизировал: «Бедный Федин. Вчера ему покрасили забор зеленой краской – неужели ради этого забора, ради звания академика, ради официальных постов, которые ему не нужны, он вынужден продавать свою совесть, подписывать бумаги» [Чуковский, 2003, 339]. Конформизм осмыслен Чуковским как измена универсальному нравственному принципу – действовать в профессии, по совести, не ронять чести ради личного благополучия.

При этом критика шестидесятниками действий властей оставалась в морально-интеллектуальных рамках. Гнет цензуры, расправа с Пастернаком, «дело Бродского» и другие воспитательные акции воспринимались либеральной интеллигенцией как реальные трудности в преодолении сталинизма, но не рождали целенаправленных антисоветских действий. Даже очевидные факты неосталинизма в политике, вроде подавления восстания в Венгрии (1957 год) и расстрела рабочих в Новочеркасске (1962 год), хотя и возмущали образованную часть общества, но не разрушали окончательно надежд на возможность демократизации и либерализации общественной жизни.

Право и мораль в аксиологии правозащитников

Приход к власти группы Брежнева в конце 1964 года повлиял на характер взаимоотношений власти и интеллигенции, расширил состав оппозиционеров, изменил морально-нравственную риторику, поведенческую стратегию и тактику. На первый план вышла вполне легальная оппозиционная активность, имеющая более широкую аудиторию и сферу влияния.

Рубежным оказалось «дело Синявского и Даниэля»: в нем расширился состав оппозиционеров и сменилась риторика протестных заявлений. К этическим претензиям в адрес государства добавились правовые. Концептуально осмысленные, они вскоре составили основу правозащитной идеологии.

Апелляция к правовой аргументации в 1960-70-е годы была характерна для советского и европейского сознания, отмечал Дмитрий Козлов. Общей была надежда общественности на закон как на средство предотвращения рецидива массовых репрессий: в СССР – связанных со сталинизмом, в Европе – с фашизмом. Другим сходством между советским и западными обществами была «важная роль литературы в привлечении общественного внимания к недавнему трагическому прошлому и к опасности его возврата. Писатели поднимали эту тему не только в Советском Союзе, но и в западных странах. <...> Однако в силу русской культурной традиции воздействие литературы на осмысление темы государственного насилия в советском обществе стало особенно мощным» [Козлов, 2014, 185]. Не желая слышать мнение литераторов, власть провоцировала расширение социального и интеллектуального пространства оппозиции, формирование ее нового направления – правозащиты.

Правозащитники были убеждены в нерасторжимости права и морали. Для этого тезиса есть основания. Право и мораль формулируют универсальные законы, осмысленные обществом как безусловно истинные. Многие ценности являются одновременно и нравственными, и правовыми, например социальная справедливость. Идеал – социально справедливое общество – ценен с моральной точки зрения и достижим юридическими средствами. Он предполагает ответственное поведение граждан, а значит, действия человека, стремящегося реализовать свои права и свободы, не могут быть признаны преступными. В основе этого толкования морали и

права лежит убежденность в приоритете общечеловеческой этики над классовой. Как только главным регулятором социальных действий становится классовая мораль, утилитарная по сути (с врагами и друзьями по-разному), так деформируются представления о правах личности. Если человек «свой», у него полный спектр прав, «чужой» – должен быть ограничен в правах.

Социальная справедливость – базовая нравственно-этическая ценность в аксиологии шестидесятников. Убежденность в несправедливости сталинских репрессий, медленного изживания наследия тоталитаризма, юридического преследования писателей-нонконформистов и тому подобное руководила их мыслями и делами, определяла риторику. Для молодого поколения нонконформистов эта ценность по-прежнему осталась базовой, изменились средства ее достижения: соблюдение закона не только гражданами, но и государством воспринималось как гарантия справедливости и регулятор взаимодействия общества и власти.

Закон – гарант справедливости. Этот тезис внес некоторую корректировку в аксиологию правозащитников. В их риторике зазвучала абсолютизация закона как базовой ценности. Мораль и право сопрягались как взаимодополняющие сферы культуры. В праве, как и в морали, наблюдается тождество субъекта и объекта. Соответственно, и правовая, и нравственная норма, предложенная государством для гражданина, является обязательной для него самого. Поскольку государство само не соблюдало обязательства, налагаемые на граждан, правозащитники определили свой нравственный и гражданский долг перед обществом как информирование соотечественников о правовых и моральных нарушениях. Неслучайно центральными темами в самиздатском бюллетене «Хроника текущих событий» стали те, которые позволяли авторам предъявлять власти прямые обвинения в противозаконности и аморальности действий: положение политзаключенных в тюрьмах, психиатрическое преследование инакомыслящих, давление на оппозиционеров в повседневной практике, репрессии после участия в «подписных кампаниях», обыски, угрозы и прочее.

Став повседневным житейским опытом, эти действия властей осмысливались однотипно и проговаривались в схожих риторических приемах. Авторы статей «Хроники» решали идеологическую задачу – стремились не столько вызвать сочувствие читателей, сколько пробудить нравственное возмущение, склонить к очевидной для себя истине: нет такой подлости, на которую не пойдет режим ради подавления непокорных, нарушение закона его не остановит. О привлечении к уголовной ответственности совместно Александра Гинзбурга и Юрия Галанскова, выпускавших самиздатские материалы совершенно обособленно друг от друга, Павел Литвинов в сборнике «Процесс четырех» писал: «... заинтересованные в процессе лица решили создать видимость какого-то заговора и, таким образом, судить за одно, имея в виду совсем другое. Опять, как и процессом 1966 года, советской интеллигенции хотели сказать: смотрите, вот что вас ожидает! – и в то же время разводить руками перед мировым общественным мнением: мы судим не писателей, а заговорщиков!» [Литвинов, 1971, 13-14]. Предъявить власти нравственные претензии – уличить во лжи, по мнению автора, значит разоблачить юридическую несостоятельность обвинений.

Практическая этика в «Пособии по психиатрии для инакомыслящих»

Одной из самых разработанных тем в тезаурусе диссидентов стала карательная психиатрия – сфера, в которой они видели очевидное и несомненное нарушение моральных и правовых норм. Стремление инакомыслящих инкриминировать власти преступление против человечности сочеталось в данном случае с потребностью помочь единомышленникам, приговоренным к маргинальности под предлогом их психиатрической неполноценности. Одной

из форм самозащиты должна была стать подготовка потенциальных жертв к предстоящим испытаниям. Этими мотивами руководствовались врач-психиатр Семен Глузман и неоднократный пациент психиатрических больниц Владимир Буковский, издав «Пособие по психиатрии для инакомыслящих» (1975) – рекомендации по поведению в условиях специальных медицинских экспертиз и вероятного принудительного заключения в СПБ. Текст подтверждает практическую ориентацию этики диссидентов.

Авторская стратегия подчинялась решению нескольких конкретных задач: информационной – рассказать читателям внутри страны и за рубежом о системе психиатрического освидетельствования и условиях содержания в СПБ; практической – подготовить жертву карательной медицины к эффективной самозащите; нравственно-этической – поддержать морально.

В «Памятке...» содержатся конкретные рекомендации, продиктованные необходимостью адекватной реакции на этическую позицию власти: «Карательные службы имеют перед инакомыслящими одно важное преимущество: они активно аморальны. <...> Научнообразные положения о классовости морали позволяют быть откровенно безнравственным по отношению к “врагам советского народа и социалистического строя”. А что – мораль? – моральна правда, но не ложь, моральна искренность, морально сочувствие и т. п. Инакомыслящие, как правило, признают именно такую “внеклассовую” мораль» [Буковский, Глузман, 2005, 152]. Как видим, авторы декларируют приоритет общечеловеческой морали. Однако ситуация требует отступить от нее ради благополучного исхода конкретной ситуации: «Лгать – скверно, но <...> на опыте сотен товарищей и собственном мы утверждаем: абстрактная моральность, определяющая поведение подследственного, подсудимого и экспертирующегося, противоречит его жизненным интересам. Ваше правильное поведение в период психиатрического исследования (как и следствия, суда) включает в себя не только необходимые элементарные знания из теории и практики психиатрии, но и “заземленную моральность”» [там же, 152]. Словом, в условиях явного превосходства противника ориентация на общечеловеческую мораль неприемлема, действовать необходимо сообразно обстоятельствам. В том же духе были выдержаны рекомендации адвоката Софьи Каллистратовой подзащитному Ивану Яхимовичу накануне суда над ним и вероятного направления на психиатрическую экспертизу: «... я очень рекомендую Вам (ни устно, ни письменно) не развивать и не высказывать своих убеждений» [Печуро, 1997]. Как видим, жизненный и профессиональный опыт оппозиционеров значительно скорректировал нравственную позицию. Утилитарная этика в условиях неутраченного политического противостояния давала реальный результат и получала идейно-теоретическое обоснование.

Этика в личной аксиологии диссидентов

В личном самосознании диссидентов противопоставление нравственно должного и практически целесообразного могло порождать внутренний конфликт. Прагматика вела к утилитарному толкованию морали, идеал требовал приоритета общечеловеческих ценностей и соответствия им на практике. Потребность сказать о себе «я делал чистое дело чистыми руками» (Гинзбург) [Литвинов, 1971, 131] сочеталась с необходимостью эффективности действий. Самоопределение в данном вопросе не только формировало поведенческую тактику, но и определяло место морали в личной аксиологии. Показательный пример однажды дала Мария Розанова. После очередного свидания с Синявским в лагере, где тот содержался, она была подвергнута унижениям надзирательницы. В ответ, задавшись вопросом «почему, собственно, нашим врагам должно быть хорошо, если нам плохо?», Розанова написала на имя

начальника колонии заявление о якобы имевших место сексуальных домогательствах со стороны его подчиненной. Клевета возымела действие: та была наказана [Столяров, 2008]. Постановка вопроса и поступок Розановой вполне укладываются в логику социально-классовой этики. В мире, расколотом по идеологическому принципу на «своих» и «чужих», с врагами действовало правило «на войне как на войне». Утилитарная мораль, эффективная в конкретных обстоятельствах, явно указывала на деформацию исходного мировоззренческого постулата о безусловной ценности морали в поведенческой практике.

Смена приоритетов с общечеловеческой морали на социально-классовую смещает положение морали в аксиологии сообщества. Из базовой ценности она все настойчивее вытеснялась в инструментальную. Соответственно, в публичных декларациях (статьях, курсирующих в сам- и тамиздате, речах и выступлениях) сохранялся категорический императив, на практике реализовывался прагматизм. Результатом могла стать раздвоенность морального сознания, при которой один и тот же человек среди единомышленников, родных и близких демонстрировал бескомпромиссность и честность, но, руководствуясь профессиональной логикой, в соответствующих обстоятельствах действовал по принципу «цель оправдывает средства».

В 1990-е годы самоанализ диссидентов обогатился потребностью осмыслить нравственную неоднозначность движения. Павел Литвинов размышлял: «Тот узкий слой советской либеральной интеллигенции, который даже в самые худшие времена пытался сохранить человеческие ценности, <...>, несет в себе и элементы режима, которому противостоит: ей присущи элитарность и стремление сотворить себе кумиров, подозрительность, переходящая в маниакальную боязнь стукачества» [Литвинов, 1982, 5]. Схожее суждение высказывал Григорий Померанц, вспоминая разногласия «националистов» и «либералов» в сообществе диссидентов: «Споры, потрясавшие интеллигенцию 70-х годов, начинались еще в лагере. Но тогда они шли внутри семьи, внутри братства. А теперь – подножки, удары ниже пояса. <...> Во всем чувствовалась партийная дисциплина и партийная этика. Которая допускала борьбу всеми дозволенными и недозволенными средствами; ибо все оправдывает святая цель» [Померанц, 2011, 244]. Моральная деформация осмыслена авторами, диссидентом и философом, как проявление советской ментальности.

Однако необходимо учитывать и обратную психологическую тенденцию, интенсифицированную опытом сопротивления – сплоченность проверенных испытанием единомышленников. Возникнув как потребность, она была осмыслена как долг и обязанность. Способность к психологической и нравственной мобилизации побеждала деструктивные процессы, преодолевала взаимное отчуждение. Моральная, финансовая, бытовая взаимопомощь стала принципом существования диссидентов и получила институциональное оформление в создании специальных Комитетов поддержки инакомыслящих и членов их семей, стабилизировала центробежные силы и удерживала сообщество от распада и самоликвидации.

Заключение

Подведем итог. Моральное сознание неконформистов было динамичным. Изменениям подвергались не нравственные ценности как таковые, а их место в групповой аксиологии. Социальный идеал шестидесятников – гуманный социализм – предполагал слияние этики и политики. Достижение его виделось возможным при неотступном следовании представителей

власти и граждан нравственным нормам. Этика выступала в качестве базовой ценности, универсальной и абсолютной, основанной на общечеловеческой морали, не разделяемой на прикладную и теоретическую, бытовую и общеполитическую. Диссиденты в этических рассуждениях отталкивались от тех же позиций. Их нравственные требования, как и либеральной интеллигенции начала «оттепели», были выражением одного культурного феномена. В риторике сохранялся ригоризм и ориентация на практическую ориентацию этики. Однако в самосознании диссидентов мораль из базовой ценности трансформировалась в инструментальную, что повлекло смещение приоритетов с общечеловеческих ценностей к социально-классовым. Функциональная этика, корректировка морали в соответствии с логикой и практикой идеологического противостояния свидетельствуют о неоднозначности морального сознания диссидентов, определявшей поведенческие и профессиональные стратегии, формировавшей специфику публицистического высказывания и тип нарратива.

Библиография

1. Архангельский Л. Лекции по марксистско-ленинской этике. Методологические проблемы. Свердловск, 1969. 132 с.
2. Бендцеладзе Г. Актуальные проблемы марксистской этики. Тбилиси, 1967. 495 с.
3. Бербешкина З. Проблема справедливости в марксистско-ленинской этике. М.: Высшая школа, 1974. 160 с.
4. Буковский В., Глузман С. Пособие по психиатрии для инакомыслящих // Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е-1980-е: в 3 т. М.: Международный институт гуманитарно-политических исследований, 2005. Т. 3. С. 147-160.
5. Козлов Д. Наследие оттепели: к вопросу об отношениях советской литературы и общества второй половины 1960-х годов // Новое литературное обозрение. 2014. № 1. С. 183-204.
6. Литвинов П. Поперек линованной бумаги // Записки диссидента. Анн Арбор: Ардис, 1982. С. 3-45.
7. Литвинов П. (сост.) Процесс четырех: Сборник материалов по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой. Амстердам: Фонд имени Герцена, 1971. 634 с.
8. Мильнер-Иринин Я. Этика, или принципы истинной человечности. М.: Наука, 1999. 519 с.
9. О культе личности и его последствиях: Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128-170.
10. Печуро Е. (сост.) Заступница: Адвокат С.В. Каллистратова: (1907-1989). М.: Звенья, 1997. URL: <https://www.bookol.ru/nauka/obrazovanie/istoriya/4314/fulltext.htm>
11. Померанц Г. Записки гадкого утенка. М., 2011. 464 с.
12. Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. Париж: YMCA-PRESS, 1975. 596 с.
13. Столяров А. Абрам да Марья: в 2 ч. док. фильм. URL: http://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/28597
14. Чуковский К. Дневник. 1901-1969: в 2 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, Звездный мир, 2003. Т. 2. 671 с.
15. Шишкин А. Из истории этических учений. М.: Госполитиздат, 1959. 344 с.

Ethics in the axiology and the social practice of soviet nonconformists 1960-70-es

Elena G. Serebryakova

PhD in Philology,
Associate Professor at the Department of the history of philosophy and culture,
Voronezh State University,
394006, 1, Universitetskaya square, Voronezh, Russian Federation;
e-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru

Abstract

The article explores the place of ethics in self-consciousness, social practice and non-conformist rhetoric. The work is based on samizdat journalism materials. The purpose of the study is to comprehend the place of ethics in the axiology of the Soviet liberal intelligentsia of the 1960-70s. The article has several sections: ethics in the political and scientific consciousness of the “thaw”, in the self-consciousness of the sixtiers, law and morality in the axiology of human rights defenders. Practical ethics in the “Manual on Psychiatry for Dissenters”. Ethics in the personal axiology of dissidents. The author points out that morality was interpreted functionally in Marxist ethics; it was considered as a superstructure over the economic basis and was interpreted as a means of strengthening or undermining of the state. Moral conscience of nonconformists is understood as dynamic. At the beginning of the «thaw» the liberal intelligentsia hoped for a return to humanistic essence of socialism. The social ideal implied a fusion of ethics and politics. Ethics was a basic value in the self-consciousness and axiology of the sixtiers. Universal morality was declared as a priority over social class morality. The “Manual on Psychiatry for Dissenters” demonstrates a change in the moral consciousness of nonconformists in the late 1960s and 70s. The authors, Gluzman and Bukovsky, interpret morality functionally and justify deviation from universal morality. Morality in the dissidents’ axiology was transformed from basic value to instrumental, priorities shifted to social class morality.

For citation

Serebryakova E.G. (2018) *Etika v aksiologii i sotsial'noi praktike sovetskikh nonkonformistov 1960-70-kh godov* [Ethics in the axiology and the social practice of soviet nonconformists 1960-70-es]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 8 (6A), pp. 194-203.

Keywords

Liberal Soviet intelligentsia of 1960-70s years, sixties, nonconformism, dissident, ethics.

References

1. Arkhangel'skii L. (1969) *Lektsii po marksistsko-leninskoi etike. Metodologicheskie problem* [Lectures on Marxist-Leninist ethics. Methodological problems]. Sverdlovsk.
2. Bendtseladze G. (1967) *Aktual'nye problemy marksistskoi etiki* [Actual Problems of Marxist Ethics]. Tbilisi.
3. Berbeshkina Z. (1974) *Problema spravedlivosti v marksistsko-leninskoi etike* [The problem of justice in Marxist-Leninist ethics.]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.
4. Bukovskii V., Gluzman S. (2005) *Posobie po psikhiiatrii dlya inakomyslyashchikh* [Manual on psychiatry for dissidents]. In: *Antologiya samizdata. Nepodtsenzurnaya literatura v SSSR. 1950-e-1980-e: v 3 t.* [Anthology of samizdat. Uncensored literature in the USSR. 1950s-1980s: in 3 vols.]. Moscow: International Institute for Humanitarian and Political Studies. Vol. 3.
5. Chukovskii K. (2003) *Dnevnik. 1901-1969: v 2 t.* [Diary. 1901-1969: in 2 vols.]. Moscow: OLMA-PRESS, Zvezdnyi mir Publ. Vol 2.
6. Kozlov D. (2014) *Nasledie ottepeli: k voprosu ob otnosheniyakh sovetskoi literatury i obshchestva vtoroi poloviny 1960-kh godov* [Heritage of the Thaw: on the question of the relationship of Soviet literature and society of the second half of the 1960s]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 1, pp. 183-204.
7. Litvinov P. (1982) *Poperek linovannoi bumagi* [Writing cross the lined paper]. In: *Zapiski dissidenta* [Notes of a dissident]. Ann Arbor: Ardis Publ.
8. Litvinov P. (comp.) (1971) *Protsess chetyrekh: Sbornik materialov po delu Galanskova, Ginzburga, Dobrovolskogo i Lashkovo* [Process of four: Collection of materials on the case of Galanskov, Ginzburg, Dobrovolsky and Lashkova]. Amsterdam: Herzen Foundation.
9. Mil'ner-Irinin Ya. (1999) *Etika, ili printsipy istinnoi chelovechnosti* [Ethics, or the principles of true humanity]. Moscow: Nauka Publ.

10. (1989) O kul'te lichnosti i ego posledstviyakh: Doklad Pervogo sekretarya TsK KPSS tov. Khrushcheva N.S. XX s"ezdu Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza [On the cult of personality and its consequences: Report of the First Secretary of the Central Committee of the CPSU Comrade N.S. Khrushchev to the XX Congress of the Communist Party of the Soviet Union]. *Izvestiya TsK KPSS* [News of the Central Committee of the CPSU], 3, pp. 128-170.
11. Pechuro E. (comp.) (1997) *Zastupnitsa: Advokat S.V. Kallistratova: (1907-1989)* [The Defender: Attorney S.V. Kallistratova: (1907-1989)]. Moscow: Zven'ya Publ. Available at: <https://www.bookol.ru/nauka-obrazovanie/istoriya/4314/fulltext.htm> [Accessed 12/12/2018]
12. Pomerants G. (2011) *Zapiski gadkogo utenka* [Notes of the Ugly Duckling]. Moscow.
13. Shishkin A. (1959) *Iz istorii eticheskikh uchenii* [From the history of ethical teachings.]. Moscow: Gospolitizdat Publ.
14. Solzhenitsyn A. (1975) *Bodalsya telenok s dubom. Ocherki literaturnoi zhizni* [Essays on literary life]. Paris: YMCA-PRESS Publ.
15. Stolyarov A. *Abram da Mar'ya: v 2 ch. dok. fil'm* [Abram and Maria: Documentary Film]. Available at: http://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/28597 [Accessed 12/12/2018]